

Возвращенцы

И Париж, и Харбин, и Гран-Чако...
Приходилось, должно быть, им всяко —
Кто плясал, кто взбегал на батут,
Кто охотился на ягуара,
Кто изведаль профессорский труд...
Вот потомки без лишнего жара
Родовые именья берут.

Воротились они издалече,
Роковую страну оглядев,
И замедленной дедовской речи
Произносят слова нараспев.

Но слова эти стали бездушной...
Воздвигая в степи города,
Внуки сеченных впрок на конюшне
Изменили язык навсегда.

И такое словечко всплывало —
Без него не отроешь окоп
И не выдюжишь лесоповала,
Парашютных не вырубишь строп.

В той стране, где уже без причины,
Если хочешь такого рожна,
Живоносной её матерщины
Накрывает приезжих волна.

***

Из Дамаска в туманное Осло,
Из Гонконга в ночной Амстердам
Продвигаются эти ремёсла
И торговля идёт по пятам.

Где сожгли одержимую Жанну
И вели Галилея на суд,
Первосортную марихуану
Сенегальцы тебе принесут.

Что ж ты хочешь от Африки голой,
Если здесь не осталось легенд,
Если битвой за брак однополый
Завершились конклав и Конвент!

Мироздания рушатся на спор
И не стоят дальнейших мытарств,
И бессмертна лишь плесень диаспор
Посреди отцветающих царств.

***

Как входит море в розовые гроты
И вновь спешит к нездешней синеве,
Самим собой во мгле полудремоты
Соединяю эти жизни две.

И в глубине светящейся былого
Сокровища забытые ища,
И нахожу, и уношу всё снова
Нагроможденья щебня и хряща.

Но, прикоснувшись к оболочке чуда,
К безликому бессмертью своему,

Опять бегу в минувшее оттуда,
Грядущего одолевая тьму.

***

Шотландский остров, свет в старинном доме,
И, в наши дни не слишком далеки,
Всё возникают в чуткой полудрёме
Иные страны и материки...

И, может быть, когда совсем устану,
Простор приснится синий и пустой,
Где над волнами ласточки Тристану
Несли Изольды волос золотой.

Викторианское

За рыжею лисой островитяне скачут
В поля, в луга.
Могучим топотом день выморочный начат,
Трубят рога.

– Но ваша гончая, к несчастью, отстала,
Увы, милорд! –
Пошла грызня... А в сердце Саконтала
И Красный Форт.

Назавтра леди Ви...А девочку в Калькутте
Взяла чума.
Вновь в эту ночь войти, чтоб от жары и жути
Сойти с ума?

Уже двенадцать лет душа не отдыхала.
В сыром лесу
Сквозь гам парламента, сквозь призрак Тадж-Махала
Несут лису.

Пряности

То, что для пряников годится,
Я созерцал ещё в цветку,

Когда имбирь, мускат, корица
Свою явили красоту.

В раю блистательном Цейлона
Я видел, как цветёт ваниль,
Чья так на кухнях благовонна
Блаженством веющая пыль.

Вот в живописи превеликой,
Одолевая времена,
Мечтает юноша с гвоздикой,
Но пряность – также и она.

И маринад, или печенье
Умеют сдобрить ей слегка.
Но есть иное назначенье
У тонкостанного цветка.

И в боль прощанья, бодр и ломок,
Он вносит, душу камня,
И грусть тропических потёмок,
И яркость канувшего дня.

***

Я умер от жары в Калькутте,
Меня зарезали в Шолоне,
Иль сам угас в душевной смуте,
Нажав гашетку в Барселоне?

О, как я не хочу больницы,
Где в морге подведут итоги!
И мне одна удача снится –
Дожить и умереть в дороге.